

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Корецкая М.А. К дискуссии о коллективном субъекте научного знания // Философия и культура. 2025. № 10.
DOI: 10.7256/2454-0757.2025.10.76541 EDN: JYRDMR URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=76541

К дискуссии о коллективном субъекте научного знания**Корецкая Марина Александровна**

ORCID: 0000-0002-6910-8744

доктор философских наук

доцент, зав. кафедрой; кафедра философии и биоэтики; Самарский государственный медицинский университет

443100, Россия, Самарская обл., г. Самара, Октябрьский р-н, ул. Ново-Садовая, д. 2, кв. 47

[✉ listarh@list.ru](mailto:listarh@list.ru)[Статья из рубрики "Философия науки"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2025.10.76541

EDN:

JYRDMR

Дата направления статьи в редакцию:

24-10-2025

Дата публикации:

31-10-2025

Аннотация: В статье предлагается аналитический обзор подходов к концептуализации коллективного субъекта научного знания как в отечественных, так и зарубежных исследованиях. В классической гносеологии проблема субъекта познания формулировалась по преимуществу в терминах соотношения эмпирического и трансцендентального, а не индивидуального и коллективного. Эффект, вносимый коллективным характером научной деятельности, становится предметом изысканий в контексте кризиса трансцендентализма и все возрастающего интереса к социальному измерению науки. Отечественная гносеология с начала 80-х до конца 90-х годов эксплицитно ставит эту проблему в рамках диалектики личного и социального в научной деятельности, критически дистанцируясь от конструктивистского подхода, превалирующего в зарубежной социологии науки, и представленного такими именами, как Л. Флек и Б. Латур. Методом исследования является генеалогическая деконструкция

интеллектуальной истории, которая фокусируется не на линейной преемственности, а на смысловых смещениях и разрывах. Исследование позволило прийти к следующим выводам. В рамках трансценденталистской парадигмы субъектность *ego cogito* не является ни индивидуальной, ни коллективной, а общению ученых в «незримом колледже» не приписывается никакая собственная плотность вплоть до Р. Мертона, чей этический кодекс ученого мыслится как остающийся неизменным вне зависимости от динамики социальной ситуации. В критическом реализме К. Поппера возникает тезис о том, что способы обращения с объективированным знанием носят коллективный характер, однако «третий мир» (сфера научного знания) утрачивает субъектные характеристики. Диалектика индивидуального и коллективного субъектов познания представлена в работах В.А. Лекторского и Н.М. Смирновой, где совместность научной деятельности понимается как производная от совместного характера человеческой практики вообще. Конструктивистский подход к проблеме берет начало у Л. Флека, предложившего концепты мыслительных коллективов, воспроизводящих определенные стили мышления, которые определяют то, о чем нельзя мыслить иначе. Далее эта идея развивается в социологии науки такими авторами как С. Вулгар и Б. Латур. И, наконец, мы видим сложившуюся традицию социологии и антропологии академических сообществ, которая исследует коллективное измерение субъекта научного знания, отталкиваясь от эмпирического описания моделей коммуникации, ритуалов академической среды и стратегий успеха.

Ключевые слова:

коллективный субъект, коллективное знание, наука, мыслительный коллектив, стиль мышления, научная коммуникация, практика, критический реализм, диалектика, конструктивизм

Введение

Понятие субъекта научного познания очевидным образом относится к базовым гносеологическим категориям и в этом качестве может показаться расхожим и самопонятным. Конечно, под субъектом познания классическая гносеология понимает не столько человеческого индивида, занятого познавательной деятельностью, сколько универсальную форму самосознания, лежащую в основе когнитивных актов рациональности, направленных на постижение объективных сторон мира. Классическое понятие субъекта научного познания является результатом работы всей трансценденталистской традиции, которую вслед за Декартом продолжают Кант и Гегель, и именно в кантовской концепции трансцендентального субъекта можно видеть окончательную кристаллизацию представлений об инвариантном когнитивном ядре, которое присутствует в каждом человеке как носителе рациональных способностей вне зависимости от эпохи и культуры. В силу действия этих предпосылок в классической философии познания проблема субъекта познания формулировалась по преимуществу в терминах соотношения эмпирического и трансцендентального, а не индивидуального и коллективного. Проблема индивидуального и коллективного субъекта начинает обсуждаться в контексте кризиса трансценденталистской традиции, пересмотра базовых категорий и концепций классической философии вообще, отказа от метафизических объяснительных конструкций и все более растущего интереса к науке как процессу, имеющему социальное измерение. Отечественная гносеология с начала 80-х до конца 90-х годов эксплицитно ставит эту проблему в рамках диалектики личного и социального

в научной деятельности, критически дистанцируясь от конструктивистского подхода, превалирующего в зарубежной социологии науки.

В статье предлагается аналитический обзор подходов к концептуализации коллективного субъекта научного знания как в отечественных, так и зарубежных исследованиях. Описывая историю концептуализации коллективного субъекта науки, в методологическом отношении мы будем придерживаться принципов генеалогии, разработанных М. Фуко в качестве продолжения Ницшеанской концепции исторического анализа. [20] Генеалогический подход в этом смысле предполагает деконструкцию интеллектуальной истории, которая фокусируется не на линейной преемственности и постепенной развертке того, что было заложено в идею изначально, а на случайностях, разрывах и борьбе сил, чтобы выявить, как возникли современные практики, институты и представления о субъекте.

Трансцендентальный идеал субъектности: от Декарта до Мертона

Субъектность *ego cogito* в строгом смысле слова не является ни индивидуальной, ни коллективной, хотя она есть одновременно бытийный фундамент и форма научного мышления для любого мыслящего индивида. В картезианской картине мира все люди как носители рациональности в своей основе мыслят одинаково (поэтому Декарт и заявляет, что имел смелость судить по себе о других). Этот постулат делает достижимой достоверность научного знания и внушает оптимизм касательно того, что научные истины способны служить объединяющим фундаментом для всех, вне зависимости от того, кто является католиком, а кто гугенотом. А именно таков, – здесь можно согласиться с В.П. Визгиным [4, С. 208-209], – запрос в условиях тяжелейшего культурного кризиса, порожденного реалиями религиозных войн между католиками и протестантами. *Ego cogito* не предполагает проблемы интерсубъективности или значимости/непостижимости инстанции Другого (ее роль в актах сознания откроет только Гегель в «Феноменологии духа» и затем развернет Гуссерль). Эмпирический индивид, занятый научным познанием, не в состоянии удерживаться в ясности и четкости актов *cogito* постоянно, он отвлекается, ошибается, доверяется предрассудкам, и, в конце концов, умирает. И поэтому он нуждается, с одной стороны, в поддержке Бога как идеального перманентно мыслящего субъекта, который может гарантировать и тождество моего Я с самим собой, и постоянство пространства знания, где по крайней мере математические истины остаются неизменными для всех и всегда (М. Мамардашвили называет это пространством однородного непрерывного опыта классического идеала рациональности и системно описывает его ключевые характеристики [10, С. 3-18]). А с другой стороны, важна коммуникация с другими учеными для взаимного поддержания в поле бодрствующей рациональности. Однако эта коммуникация, как и научная деятельность в целом, в тот период еще слабо институциализирована. Естественные науки покидают слишком привязанные к схоластическим порядкам университеты и перемещаются на спонсируемые влиятельными меценатами (не в последнюю очередь королями) площадки, из которых впоследствии сформируются научные общества и академии наук. Личная переписка в рамках условного «незримого колледжа» выполняет функции, которые впоследствии и уже совсем на другом уровне будут выполнять публикации в научных журналах. Но пока еще дело выглядит так, что ученые, индивидуально занимающиеся наукой, образуют научное сообщество, хотя в принципе «в мире, который состоял бы из Бога, *res extensa* и одинокого я, а именно медитирующего философа, согласно Декарту, не было бы никакого существенного недостатка» [11, С. 135].

Эта картезианская модель лежит в основании представлений о том, что, входя в

пространство лаборатории, эмпирический субъект оставляет все частное и индивидуальное (включая семейные драмы, идеологические пристрастия и нездоровые амбиции) за ее дверями, методично снимая с себя те же оболочки «Я», что и Декарт в своих текстах. Он калибрует с помощью многочисленных приборов свое чувственное восприятие, делая его данные настолько объективными, насколько это возможно, чтобы любой мог их воспроизвести при сходных условиях. Как пишут Н. Грякалов и А. Положенцев, «теоретический человек», будучи «субъектом-с-прибором» представляет собой «существо, обладающее странной, ангелической телесностью» [\[5, С. 127.\]](#).

Эта ориентация в научной деятельности на трансцендентальный идеал делает возможным провозглашающий ценностную нейтральность науки этический кодекс ученого, который мы, в итоге, видим эксплицитно сформулированным в трудах Р. Мертона. Мerton в этом смысле фигура неоднозначная: с одной стороны, он отец-основатель социологии науки как дисциплины, которая в дальнейшем будет тематизировать научное знание именно как социальный феномен. С другой стороны, в его трудах, в особенности связанных с описанием этической стороны научной деятельности, по-прежнему царит кантианский трансцендентализм, что более поздние социологи науки (Латур, например) будут подвергать критике. Под этосом науки Мертон предлагал понимать ««эмоционально насыщенный комплекс ценностей и норм, разделяемых учеными. Эти нормы выражаются в форме предписаний, запретов, предпочтений и разрешений. Они легитимируются в терминах институциональных ценностей» [\[32, С. 268–269\]](#), которые остаются неизменными вне зависимости от изменений социальной ситуации. К ключевым императивам Мертона относит коммунизм (*communism*), универсализм (*universalism*), незаинтересованность (*disinterestedness*) и организованный скептицизм (*organized skepticism*). Коммунизм (или коммунитаризм) предполагает, что научное познание должно пониматься как общее дело, в которое каждый вносит свой посильный вклад и, соответственно, знание должно иметь принципиально открытый публичный экзотерический характер и подлежать ничем не ограничиваемому обмену. Принципы универсальности и незаинтересованности продолжают ту же логику. Конечно, Мертона можно понять в том духе, что «знание производится не индивидами, а сообществом, ибо отдельный ученый зависит от интеллектуального наследства дисциплинарного сообщества» [\[6, С.127\]](#). Но по крайней мере индивидуальное и коллективное здесь легко конвертируются друг в друга. Тем более, что сам ученый в качестве такового превращается в своего рода частичного человека: в рамках своей научной деятельности он должен считать себя лишь функцией трансцендентального ума, за пределами которой «в жизни» остается много чего эмоционально и ценностно окрашенного [\[4, С. 197–198\]](#). Таким образом, никакой собственной специфики у коллективного взаимодействия в рамках познавательной деятельности в этой логике не предполагается. Социальная плотность научного коллектива, которая может создавать свои собственные когнитивные эффекты в зависимости от социальных обстоятельств, здесь (вплоть до Мертона) не тематизируется.

«Третий мир» в критическом реализме К. Поппера

Тем не менее уход философии науки с позиций трансцендентализма становится все более заметным. Череда социальных потрясений XX века и связанное с ними разочарование во многих установках просвещенческого рационализма привели к тому, что尼цшеанский тезис о «смерти Бога» в качестве одной из интерпретаций оказался связан с задачей преодоления веры в трансцендентального субъекта как нетленного и незаинтересованного носителя научной рациональности. Немаловажным фактором становится и то, что наука в XX веке все в большей степени заявляет о себе как о

производительной и социальной силе. О ней все чаще говорят как о «большой науке», которая организована по принципу массового производства, требует разделения труда и возрастающей профессионализации научной деятельности, и кроме того, предполагает прямое влияние на познавательный процесс гражданской и общественной позиции ученых.

У таких авторов как К. Поппер и особенно Л. Флек, обнаруживается тематизация принципиальной важности различия индивидуального и коллективного субъекта науки. О роли Поппера в исследовании этой проблематики пишет, в частности В. А. Лекторский, в книге которого «Субъект. Объект. Познание» (опубликована в 1980 году) мы и видим ставшую классической постановку проблемы индивидуального и коллективного субъекта: «Если знание, неотделимое от индивидуального субъекта, непосредственно выступает как обращенное к нему лично, то объективированное знание явным образом включает адресованность всем субъектам, занимающимся изучением данных проблем. Иными словами, способы обращения с объективированным знанием носят непосредственно коллективный характер. Поэтому исследование научного знания и связанного с ним познания невозможно без анализа систем коммуникации, функционирующих в особого рода коллективах – научных сообществах. К такому выводу все больше склоняется современное научоведение» [\[9, С. 275\]](#). В контексте этой проблемы В.А. Лекторский предлагает понимать концепцию трех миров К. Поппера [\[13, С. 108–123\]](#), в которой под первым миром имеется в виду реальность физических предметов, под вторым миром – мир индивидуальных состояний сознания, а под третьим – мир коллективного знания, существующего в виде теоретических систем, проблем и проблемных ситуаций, критических аргументов, состояний дискуссии [\[13, С. 109–110\]](#). Различие второго и третьего (то есть индивидуального и коллективного) миров не может быть редуцировано: в определенной степени третий мир автономен от индивидуального измерения актов познания и, хотя он является продуктом человеческой деятельности, но обладает такой же плотностью и объективностью собственной реальности, как и физический мир. Эта концепция соответствует принципам критического реализма, которые отстаивал Поппер, и соответственно, ее границы вполне могут быть поняты исходя из тех ограничений, которые реалистическая установка накладывает на исследование проблематики познания и его социальных форм. В частности, Поппер оказывается вынужден настаивать на том, что третий мир как мир объективного знания вообще не имеет субъектного характера: «Знание в объективном смысле есть знание без того, кто знает: оно есть знание без субъекта знания» [\[13, С. 111\]](#).

Коллективный субъект познания в диалектической парадигме отечественной гносеологии

В. А. Лекторский полемизирует с попперовским проектом «эпистемологии без субъекта», указывая на то, что познание совершается реальными людьми, действующими в конкретных обстоятельствах. «Социально-исторический характер познавательного процесса, его коллективность выражаются не только в том, что этот процесс осуществляется множеством взаимодействующих между собой индивидов. Само это взаимодействие предполагает существование особых, специфических законов коллективного процесса развития знания, законов, отличных от тех, которые характеризуют индивидуальное познание. Таким образом, носителем коллективного познавательного процесса не является индивидуальный субъект, так же, как и простая совокупность последних. Этим носителем можно считать коллективного субъекта, понимая под ним социальную систему, несводимую к конгломерату составляющих ее

людей» [9, С. 280]. Далее В. А. Лекторский пишет о парадигмах научного знания, разделяемых теми или иными сообществами, что, в свою очередь, оказывает воздействие на познавательную деятельность индивидов, которые всегда включены в тот или иной коллектив. Несмотря на вполне очевидную параллель с терминологией Т. Куна и Л. Флека, В. А. Лекторский опирается в этом контексте не на них, а на Гегеля (с его темой признания со стороны Другого, звучащей в «Феноменологии духа» и динамикой самосознания как движущим элементом истории Мирового Духа) и Маркса (который снимает гегелевский идеализм с помощью материалистически трактуемой диалектики). Причина такого выбора очевидна, она заключается в намерении отстаивать в качестве методологической базы философии познания ту трактовку диалектического материализма, которая сложилась в отечественной традиции.

В той же методологической и мировоззренческой оптике написан Н.М. Смирновой раздел «Соотношение индивидуального и социального в процессе формирования и распространения нового знания» во втором томе фундаментального четырехтомника «Теория познания», главными редакторами которого выступили В.А. Лекторский и Т.И. Ойзерман [17, С. 200-212]. Социальный характер научного знания здесь также трактуется в том смысле, что знание принадлежит коллективу, и эта совместность понимается как производная от совместного характера человеческой практики, то есть вполне в марксистском ключе. Научное открытие предлагается понимать как индивидуальный прорыв за рамки устоявшейся коллективной практики, однако на втором шаге любое знание обязательно будет включено в коллективную практическую деятельность и овеществлено, превращено в некую форму техники, чтобы стать интерсубъективным фоном для последующего научного прорыва. Сочетание этих двух факторов познания должно объяснить, почему ученому «предъявляются прямо-таки взаимоисключающие требования: оригинальность мысли и общепонятность, ясность результата; способность создавать «безумные идеи»... и безукоризненно рационально представлять их; смело порывать с традицией, не поддаваясь догматизму, и сохранять преемственность с достижениями науки» [17, С. 212.1]. Заметим, что набор этих требований вполне коррелирует с амбивалентными требованиями научной этики по Мертону. Главный же вывод раздела заключается в том, что ученый предстает как «единство противоположностей – индивидуального и социального, личного и имперсонального, единичного и общего» [17, С. 212.1]. Иными словами, результаты полностью отвечают логике диалектического метода и остаются актуальными в той же степени, что и он.

Конструктивистский подход к проблеме: мыслительные коллективы Л. Флека и акторно-сетевая концепция Б. Латура

Далее мы посмотрим на конструктивистскую линию социологии науки, в которой тема индивидуального и коллективного субъекта также может быть обнаружена. Книга Людвига Флека «Возникновение и развитие научного факта» [18] была впервые опубликована на немецком языке в 1935 году, но заслуженное внимание пришло к ней после того, как Т. Кун упомянул ее в качестве одного из важных для себя источников в предисловии к «Структуре научных революций» (1960). После этого Л. Флек, которого прежде считали выдающимся микробиологом, получает признание также и как основоположник современной социологии науки и социальной эпистемологии [35]. В книге рассматривается конкретный кейс: реакция Вассермана и ее роль в диагностировании сифилиса. Но этот пример используется для того, чтобы предложить концепцию социальной обусловленности любого научного факта. Л. Флек говорит о том, что объяснить процесс познания, исходя из простого непосредственного отношения

субъекта к объекту, невозможно. Не является научное познание и индивидуализированным процессом, протекающим в конкретном отдельно взятом сознании, поскольку в этом процессе решающую роль играет уже существующий запас знаний, который значимо превышает возможности индивида. Соответственно, познание надо понимать как вид социальной активности [21], и решающую роль в этом процессе играют именно коллективные субъекты. Л. Флек ссылается здесь на О. Конта и в особенности на Э. Дюркгейма, который настаивал на «сверхиндивидуальном и объективном характере идей, вырабатываемых коллективом» [18, С. 70]. В качестве предшественников и союзников упоминаются также Л. Леви-Брюль, В. Ерусалем и Л. Гумплович. У последнего автора Л. Флек берет на вооружение критику представлений о том, что мыслит всегда некая персона. «То, что мыслит в человеке – это не он сам, а его социальная среда» [18, С. 71]. Для обозначения этого феномена Л. Флек предлагает понятие «мыслительные коллективы». «Если определить «мыслительный коллектив» как сообщество людей, взаимно обменивающихся идеями или поддерживающих интеллектуальное взаимодействие, то он станет в наших глазах единицей развития какой-либо сферы мышления, определенного уровня знания и культуры. Это и есть то, что мы называем стилем мышления» [18, С. 66]. Стиль мышления предполагает готовность к избирательному восприятию и направленному действию. Именно стиль мышления определяет общие проблемы, которыми занимается коллектив, общие суждения, принимаемые за очевидные, набор методов, которые считаются релевантными, литературные стили, приемлемые для актуальной жанровой структуры текста. Для индивида стиль мышления является принудительным, он задает то, о чем нельзя мыслить иначе, если ученого нет желания и готовности обнаружить себя на маргинальных позициях.

Мыслительный коллектив не сводится к простой сумме индивидов, в него входящих: эффект хорошо слаженной коллективной работы нельзя раздробить на индивидуальные вклады. Это в каком-то смысле тезис, методологически близкий к структурализму – отношения в структуре обладают приоритетом над элементами. Л. Флек говорит о социальной обусловленности и коллективности научной деятельности, по крайней мере, в двух смыслах. С формальной стороны мы видим различные аспекты, связанные с институциализацией. В научных коллективах есть четкая организация, предполагающая разделение труда; коллективы существуют в рамках тех или иных учреждений; обмен идеями происходит с помощью публикаций в научных журналах, конференций и конгрессов; наконец, коллективы относят себя к тем или иным школам и традициям и пребывают в полемике с другими школами и традициями. С содержательной стороны любое открытие возможно только в пределах актуального интеллектуального поля, предполагающего определенные мыслительные оптики, терминологический аппарат, культурный фон и прочие явления контекстуального характера. Это, собственно, и есть «стиль мышления». Зависимость научной деятельности от социальных процессов выражается в том, что сделать открытие вне связи с актуальным стилем мышления просто невозможно. Например, Флек показывает на конкретном историческом материале, что пока господствовал дискурс о «греховных болезнях», медицинское знание не имело даже оснований проводить четкие различия между сифилисом и гонореей, ведь причина этих недугов в данной оптике виделась одна: «греховное наслаждение». К общему интеллектуальному полю также подключались астрологическое учение о влиянии звезд, спекулятивная металлотерапия (под влиянием которой в лечении сифилитических высыпаний использовалась ртуть) и многие другие коллективные представления. В рамках такого стиля мышления изобретение серологических тестов для диагностики заболевания было просто невозможно. И их появление будет предполагать комплексное

изменение всего объема коллективного стиля мышления, и в свою очередь приведет к конструированию сифилиса как заболевания, вызываемого бактериями вида *Treponema pallidum*. В этом смысле научный факт возникает в процессе социального конструирования, субъектом которого является мыслительный коллектив.

Л. Флек обращает внимание на событийный характер научной коммуникации, в ее процессе знание постоянно трансформируется, причем траектории этой трансформации заранее просчитать нельзя. Публично высказанная каким-либо автором мысль может пройти круг обсуждений в других сообществах и вернуться к тому, кто ее озвучил первым с существенными дополнениями и иначе сформулированной. Уже в этом смысле атрибуции авторского вклада могут быть весьма относительны. Автор открытия – часто лишь знаменосец группы. Хотя, конечно, такого рода атрибуция для функционирования научных текстов тоже важна. Этот момент у Флека остается мало раскрытым и его проще пояснить, отсылаясь к идеям М. Фуко, сформулированным им в докладе «Что такое автор?» [19]. Фуко в рамках полемики с тезисом о пресловутой «смерти автора» Р. Барта [11] замечает, что имя автора в своем функционировании не вполне совпадает с собственным именем индивида, но служит задаче классификации текстов, которые культура считает значимыми. С помощью атрибуции мы помещаем текст в важную для его понимания ячейку культурного архива. Имя собственное, функционирующее как имя автора, позволяет нам произвести эту интеллектуальную операцию. Кроме того, для научного текста имя автора обозначает также предъявленную публично инстанцию вменения: такой-то индивид, относящийся к такой-то традиции и школе, несет личную репутационную ответственность за все то, что написано в этом тексте.

Однако вернемся к Флеку. Проблема, с которой сталкивается предложенная им концепция, заключается в том, что само по себе понятие мыслительного коллектива достаточно неопределенно, им могут обозначаться самые разные социальные феномены. Сам Флек отмечает различие между случайно и временно образованными мыслительными коллективами (два физика, которые впервые друг друга видят, беседуют на конференции) и коллективами, включенными в некую конкретную исследовательскую деятельность (коллеги, работающие в одной лаборатории над неким проектом). Способы выстраивания и поддержания социальных связей, и, соответственно, линии научной коммуникации в этих примерах будут различаться. В одних случаях достаточно слабых связей, нерегулярной коммуникации, в других будет требоваться постоянное выполнение совместных действий, затрагивающее повседневность. Не говоря уже о том, что каждый индивид включен в значительное количество самых разных мыслительных коллективов, которые отчасти накладываются друг на друга, а отчасти нет. То есть перед нами сложная, многоуровневая структура, в которой можно выделить экзотерические и эзотерические круги, внутриколлективные и межколлективные типы коммуникации, экспертный и научно-популярный уровни знания. К тому же фактически Флек использует два концепта: «мыслительный коллектив» и «мыслительное сообщество» (последнее характеризуется более тесными и постоянными связями, чем мыслительный коллектив), однако четкого разграничения и систематизации всех этих концептов он не дает, и проблема выглядит скорее поставленной, чем решенной.

С конца 70-х годов идея социального конструирования научных фактов становится для социологии науки парадигмальной. В качестве примера можно вспомнить, прежде всего, сильную программу социологии знания Д. Блура [21], работы Г. Коллинза [23],[24] и Т. Пинча [33]. Появляется множество социологических и антропологических исследований научной лаборатории как институции, работающей на стыке науки и технологии и особенно выпукло презентирующей производство знания как социальный процесс.

Здесь можно упомянуть таких исследователей как М. Линч [29],[31],[30] или К. Кнорр-Цетина [27] [28]. Однако наиболее провокативными и влиятельными, безусловно, являются тексты Б. Латура и С. Вулгара [7],[18], в которых исследования лабораторной жизни становятся концептуальной базой для будущей акторно-сетевой теории. Проблема соотношения коллективного и индивидуального субъекта не является для этих авторов центральной, в фокусе их внимания другие вопросы, связанные, в частности, с тем, как происходит перевод «вещей» в «тексты» (продуктом лаборатории являются именно научные статьи), как организована коммуникация ученых внутри и вне лаборатории, как осуществляется управление необходимыми для исследования ресурсами. В результате всех этих процессов и происходит конструирование научных фактов, а сами эти процессы не только имеют социальный характер, но и позволяют проблематизировать социальное. Как обращает внимание В. Вахштайн, концепция Латура радикальна в том смысле, что он предлагает социальное не рассматривать как некую заданную субстанциальную среду, в которой производится множество феноменов включая научное знание. Социальное в его логике само оказывается эпифеноменом сетевого взаимодействия различных акторов. В качестве акторов могут выступать не только люди, но и вещи или природные реалии, если они производят действия, влияющие на ситуацию. Акторами лабораторной жизни являются не только сотрудники лаборатории, но также и аппаратура, которой доверяются многие функции, лабораторные животные и даже вещества. Более того, поскольку, как показывает Латур в своем описании феномена лаборатории Луи Пастера [7], граница внешнего и внутреннего относительна, акторами оказываются и коллективы лабораторий-конкурентов, и журналисты, которые занимаются популяризацией открытий, и чиновники из министерств, и, например, фермеры, приобретающие или отказывающиеся приобретать разработанные в лаборатории вакцины, и скот на фермах, который либо выживает, либо нет, и бацилла сибирской язвы, которую либо удается, либо не удается держать под контролем. Исследовательская оптика, предложенная Латуром, с одной стороны, показывает коллективный характер действий, без которых научное производство фактов невозможно. С другой стороны, она позволяет оценить, насколько важны индивидуальные стратегии в процессе сетевого захвата ресурсов, необходимых для научной деятельности. Вот, например, весьма красноречивое описание такой стратегии: «Пастер с самого начала своей карьеры ученого был экспертом по завоеванию интересов различных групп и по убеждению их представителей в том, что их интересы были неотделимы от его собственных. Обычно он достигал этого слияния интересов, используя стандартную лабораторную практику. В случае с сибирской язвой он делает то же самое только в большем масштабе, ибо теперь он привлекает внимание групп, являющихся выразителями более широких социальных движений (ветеринарной науки, гигиены, а в перспективе – и медицины) и затрагивает вполне животрепещущие проблемы. После проведения вакцинаций внутри лаборатории Пастер организует открытый эксперимент в более крупном масштабе» [7, С.10]. Парадокс при этом заключается в том, что в статусе актора изобретательный Пастер выступает наравне с «коварными» микробами. В каком-то смысле здесь происходит возвращение к той практике присвоения статуса субъектности, которая имела место в средневековой схоластике (вещи могли пониматься как субъекты в той же мере, что и люди, поскольку субъект – это тот, кто говорит или то, о чем говорится). Ключевым фактором этого сходства через века является семиотика, что совсем не случайно, учитывая, что Латур как исследователь начинает с использования семиотических методов А. Греймаса, в актантной схеме которого нарративные роли могут исполнять люди, места, предметы или абстрактные понятия. Однако для социологии науки в целом предложенный Латуром

методологический поворот представляется слишком радикальным, поскольку он размывает сами основы веры в первичность социального, о чем и говорит В. Вахштайн, комментируя объектную ориентированность концепции Латура [3].

Социология академического мира: модели научной коммуникации, индивидуальные и коллективные стратегии успеха

Менее радикальные исследования сосредотачиваются, например, на проблеме ответственности в современной ситуации, когда субъектом производства знания как правило является коллектив исследователей [22], [34]. Или на изучении специфики научной коммуникации, а также индивидуальных и коллективных стратегий достижения учеными успеха. Научная коммуникация, включающая в себя пространства распределения внимания, процедуры присвоения академических статусов, борьбу за признание описывается с помощью различных метафорических моделей, которые рассматривает, в частности М. Соколов [14].

Наиболее влиятельной можно считать метафорическую модель рынка, что, в общем, не удивительно, учитывая торжество парадигмы *homo economicus* в гуманитарном знании и неоспоримость того факта, что в информационном обществе наука является ведущей производительной силой. В рамках этой метафоры научные идеи могут рассматриваться как специфический товар; между различными научными коллективами выстраиваются отношения конкуренции; при этом ученыe вступают в коммуникацию, чтобы получить от других ученыx факты, которые нужны для производства новых фактов; эти приобретения оплачиваются публичным признанием, которое рассматривается как символический капитал; признание инвестируется получателем в операции, привлекающие новое признание; а символический капитал так или иначе конвертируется в деньги. Рыночная метафора научной коммуникации присутствует у Р. Мертона, П. Бурдье, Б. Латура, Г. Франка и ряда других авторов. Ее сильной стороной является то, что она интуитивно очевидна, позволяет объяснить многие проблемы научной коммуникации в терминах коллизий спроса и предложения, опирается на право интеллектуальной собственности при объяснении процесса конвертации научных достижений в статус и успешно пользуется эвристическим потенциалом концепта экономики внимания [26]. Однако у этой метафорической модели есть некоторые проблемы. Во-первых, ключевой для научной жизни феномен борьбы за признание для экономической логики, скорее, континтуитивен и чужероден, его приходится истолковывать в терминах борьбы за символический капитал. Проблемой является и декларация коммунитаризма как принципа свободного обмена информацией (что мы видим в мертоновской научной этике). В этом смысле более релевантной выглядит экономика дара, для которой, как показал М. Мосс, принципиально важны три обязанности: давать, получать, возмещать [12, С. 152-156.] (что вполне применимо к этике цитирования), а щедрость даров объясняется как раз борьбой за престиж. И третий момент: рыночная метафора не объясняет такой занятный феномен, как игнорирование научными коллективами друг друга, которое тоже происходит по некоторой логике и правилам, и, соответственно, требует осмысления.

Другой (куда менее популярной) метафорической моделью будет модель войны [25]. В качестве прототипов здесь могут выступать как интеллектуальный милитаризм Гераклита, так и тема смертельной схватки за престиж в диалектике господина и раба Г.В.Ф. Гегеля и А. Кожева. В этом нарративе теории и их индивидуальные или коллективные авторы будут уподобляться армиям, а полемика с ее обменом аргументами будет почти

буквально пониматься как сражение за некие интеллектуальные территории. Здесь будут работать метафоры борьбы, насилия и принуждения, взятия в заложники (так, например, трактуется практика цитирования в том смысле, что тот ученый, чьи труды цитируются, вынужденным образом по факту выступает на стороне цитирующего). Однако метафоры эти, конечно, слишком прямолинейны, чтобы описывать все стороны научной коммуникации. Ситуации пылкой полемики и битвы за приоритет и ресурсы между научными коллективами очевидным образом существуют, но есть также и множество других далеко не столь воинственных форм коммуникации.

М. Соколов в ряде своих работ, опираясь на Э. Гоффмана и Н. Элиаса, предлагает для анализа научной коммуникации метафорическую модель рынка дополнить моделью светского общества, занятого обменом визитами. Индивид, позиционирующий себя в качестве ученого, в своей деятельности движим по крайней мере, двумя мотивами. Первый из них сродни веберианскому религиозному мотиву и предполагает мучительное вопрошение о том, действительно ли я избран и удостоен спасения (действительно ли то, что я делаю – настоящая наука) [\[15, С. 14\]](#)? Второй мотив – мотив сохранения лица. Он предполагает, что заниматься надлежит теми проблемами, которые мыслительный коллектив (во флексовском смысле) считает актуальными, и, чтобы ни у кого не возникло вопросов к компетентности ученого, ему надлежит быть в курсе всего важного в своей области. Однако современная наука производит гигантское количество информации, следить в глобальном масштабе за всеми новостями даже в своей области невозможно, поэтому встает вопрос о критериях важности. «Основным способом определения важности будет *прагматическое принятие* учеными критерия релевантности, согласно которому релевантным является то, что считают таковым другие члены их аудитории, способные применить санкции за незнание» [\[14, С. 18\]](#). Прагматическим образом складываются круги взаимного восхваления и взаимного игнорирования, в том смысле, что коммуникативное поле структурируется как своего рода сцена, пространство публичного внимания, и те, кто включен в этот круг, повернуты лицом друг к другу и спиной ко всем остальным. Это внимание «к своим» выражается в демонстрируемой осведомленности о том, кто чем занят и во взаимных визитах (поездках на конференции, цитировании и т.п.). Признанию соответствуют публично считываемые сигналы, свидетельствующие, что внимание некоторому объектуделено. «Статусы распределяются двумя способами – во-первых, обращая внимание на кого-то, индивид помечает этот источник как «важный» или «релевантный». Во-вторых, он тем самым подтверждает компетенции всех тех, кто до того пометил его как «важный» или «релевантный», и ставит под сомнение квалификацию тех, кто его проигнорировал» [\[14, С. 24\]](#). Индивид одними и теми же действиями производит свой интерактивный статус (то есть подтверждает, что способен выделять и удерживать во внимании то, что следует) и контрибутивный статус других (то есть их способность сделать такой вклад, который будет заслуживать признания). Статус ученого оценивается по критериям светской жизни: чрезвычайно важно, кто к кому вхож, кто кого в каком контексте упомянул и т.п. При этом отношения имеют иерархический характер: тот, кого цитируют все, в гораздо большей степени свободен в выборе тех, кого он может безнаказанно игнорировать.

М. Соколов полагает, что формирование конкретных ландшафтов сцен-кругов внимания зависит от культурных, инфраструктурных, структурных и исторических факторов. Культурный контекст связан с критериями релевантности. Инфраструктурные факторы важны в силу того, что именно они определяют алгоритмы поиска новостей (условно говоря, пользуется ли коллектив библиотечными картотеками или инструментами Гугла, – это повлияет на результаты поиска). Структурные факторы связаны с инстанциями

контроля качества и наказания (это может быть ВАК, редакции именитых журналов, общества и ассоциации). Исторические факторы связаны с такими процессами, как изоляция аудиторий по неким социально-политическим причинам. В результате воздействия этих факторов, как утверждают М. Соколов и К. Титаев [16, С. 239-275], в постсоветской России сложились два типа структурирования научной публичности, выбор между которыми во многом определяет индивидуальные карьерные стратегии ученых. Первая из них делает ставку на внимание к глобальным научным центрам и международным стандартам, опирается на зарубежную литературу и предполагает обретение высокого статуса, прежде всего, за счет переводческой и просветительской деятельности, знакомящей местную публику с новостями мировых научных столиц. Вторая ориентирована на национальные традиции и специфичность локальных проблем, обращается к домашней аудитории на ее языке и претендует на самостоятельность и оригинальность. «Самое важное, однако, состоит в том, что каждая из них считает себя вправе игнорировать другую как источник новостей – или в силу предполагаемой отсталости, или в силу оторванности от корней и сомнительной релевантности» [14, С. 26].

Заключение

Представленный обзор позволяет сделать следующие выводы. Прежде всего, сама проблематизация коллективной субъектности научного знания оказывается возможна и востребована только в контексте кризиса классической трансценденталистской парадигмы, видевшей в субъекте универсальную форму мышления, которая актуализируется одним и тем же способом и в мышлении индивида, и в познавательной деятельности научного сообщества. Собственная плотность коллектива (коллективов), производящего науку, оказывается в фокусе внимания эпистемологических изысканий только в контексте кризиса трансцендентализма и начавшегося впоследствии смещения от чистой философии науки к тому типу рефлексии о природе научного знания, которая опирается на эмпирический базис, смещаясь в сторону социологии и антропологии академической жизни. В случае отечественной гносеологической традиции этот уклон еще не столь очевиден, поскольку диалектическая парадигма в силу своей спекулятивности (в гегелевском смысле) компенсирует марксистский приоритет практики. Конструктивистская парадигма делает все более очевидной тенденцию к тому, чтобы видеть в научном познании социальный процесс, а потому коллективный характер научной деятельности, привязанный к эпохе, социальной ситуации, традициям и ритуалам академической среды, становится все более эвристически насыщенным предметом изысканий.

Библиография

1. Барт Р. Смерть автора. // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994. С. 384-391.
2. Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. № 5-6. С. 162-185. EDN: TOYTBN.
3. Вахштайн В. Революция и реакция: об истоках объектно-ориентированной социологии // Логос. Т. 27, № 1, 2017. С. 41-84.
4. Визгин В.П. Границы новоевропейской науки: модерн / постмодерн // Границы науки. – М.: ИФ РАН, 2000. – С. 192-227.
5. Грякалов Н., Положенцев А. Сны бытия. Очерки по антропологии науки. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, университетская книга, 2019. 416 с.
6. Лазар М.Г. Этос науки в социологии Р. Мертона: судьба и статус в науковедении //

- Социология науки и технологий. 2010. Т. 1, № 4. С. 124-139. С. 127. EDN: ONLOHP.
7. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. № 5-6 (3-5), 2002. С. 1-32.
8. Латур Б., Вулгар С. Лабораторная жизнь. Конструирование научных фактов. Глава 2. Антрополог посещает лабораторию // Социология власти. № 6-7, 2012. С. 178-234. EDN: RNIFHJ.
9. Лекторский В. А. Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии. М.: Наука, 1980. 358 с.
10. Мамардашвили М. Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Лабиринт, 1994. 89 с.
11. Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.
12. Мосс М. Очерк о даре // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с франц., послесловие и комментарии А. Б. Гофмана. М.: "Восточная литература", РАН, 1996. С. 134-285.
13. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
14. Соколов М. Наука как церемониальный обмен: теория пространств внимания, академического статуса и символической борьбы // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20, № 3. С. 9-42. DOI: 10.17323/1728-192X2021-3-9-42. EDN: PFDBGT.
15. Соколов М. М. Социология как чудо: процесс sense-building в одной академической дисциплине // Социология власти. Т. 27, № 3, 2015. С. 13-57. EDN: UMUMCX.
16. Соколов М., Титаев К. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239-275. EDN: SWNIWB.
17. Теория познания в 4 т. Т. 2. Социально-культурная природа познания. / АН СССР, Институт философии; под ред. В.А. Лекторского и Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1991. 478 с.
18. Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 220 с.
19. Фуко М. Что такое автор? Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. – М.: Касталь, 1996. С. 7-46.
20. Фуко М. Ницше, генеалогия и история // Философия эпохи постмодерна: Сборник переводов и рефератов. – Мн.: Изд. ООО "Красико-принт", 1996. С. 74-97.
21. Címbora G. Ludwik Fleck: Philosopher of Scientific Practice // Journal for General Philosophy of Science. 2025. DOI: 10.1007/s10838-024-09713-5.
22. Uygun Tunç D. The subject of knowledge in collaborative science // Synthese. 2023. Vol. 201. P. 88. DOI: 10.1007/s11229-023-04080-y. EDN: MKNGKH.
23. Collins H.M. The TEA Set: Tacit Knowledge and Scientific Networks // Science Studies. 1974. Vol. 4. No. 2.
24. Collins H.M., Evans R. The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience // Social Studies of Science. 2002. № 32(2).
25. Cozzens S. What do Citations Count? The Rhetoric-First Model // Scientometrics. 1989. Vol. 15. No. 5-6. С. 437-447.
26. Franck G. The Scientific Economy of Attention: A Novel Approach to the Collective Rationality of Science // Scientometrics. 2002. Vol. 55. № 1. С. 3-26. EDN: BCAFV.
27. Knorr K. The Manufacture of Knowledge: An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science. Oxford: Pergamon, 1981.
28. Knorr-Cetina K. Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1999.

29. Lynch M. Art and Artifact in Laboratory Science: A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory. London: Routledge and Kegan Paul, 1985.
30. Lynch M. Laboratory Space and the Technological Complex: An Investigation of Topical Complex // Science in Context. 1991. № 4.
31. Lynch M. Sacrifice and Transformation of the Animal Body into Scientific Object: Laboratory Culture and Ritual Practice in the Neurosciences // Social Studies of Science. 1988. № 18.
32. Merton R.K. The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations. N.Y.: Free Press, 1973.
33. Pinch T. Confronting Nature: The Sociology of Solar Neutrino Detection. Springer, 1986.
34. Politi V. The Collective Responsibilities of Science: Toward a Normative Framework // Philosophy of Science. 2025. Vol. 92. № 1. C. 1-18. DOI: <https://doi.org/10.1017/psa.2024.28>.
35. Sciortino L. The Emergence of Objectivity: Fleck, Foucault, Kuhn and Hacking // Studies in History and Philosophy of Science. 2021. Vol. 88. C. 128-137. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.shpsa.2021.06.005>. "

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора